

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ МАРКСИСТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Аннотация. Историко-экономическая тенденция в российской философии в начале XX столетия была широкой областью различных концепций социального развития. Их общая черта выбирала экономический фактор как главную цель социального развития.

В ходе историко-экономической тенденции экономический детерминизм был сформирован как вариант одностороннего объяснения исторического процесса.

Экономический материализм был самой популярной тенденцией в историко-экономической тенденции в начале XX столетия.

Различные концепции социального развития, созданные в пределах структуры историко-экономической тенденции в российской философии в начале XX столетия, проанализированы в статье.

Ключевые слова: историко-экономические идеи русских марксистов конца XIX – начала XX столетий в их становлении, взаимосвязи, развитии и воздействии на реальную историю страны, на революцию (Н.И. Зибер, Г.В. Плеханов, А.А. Богданов и учение В.И. Ленина, его школы).

© R. Podol

THE HISTORIC-ECONOMIC TREND IN RUSSIAN PHILOSOPHY AT THE BEGINNING OF THE XIX – XX CENTURY.

Abstract. The historic-economic trend in Russian philosophy at the beginning of the XX century was a wide scope of different conceptions of social development. Their common feature was singling out the economical factor as the main objective of social development.

In the course of historic-economic trend, economical determinism was formed as a variant of one-sided explanation of historical process.

Economic materialism was the most popular tendency in historical-economical trend at the beginning of the XX century.

Different conceptions of social development, created within the framework of historic-economic trend in Russian philosophy at the beginning of the XX century are analyzed in the article.

Key words: historic-economic ideas of Russian marksists the end XIX – beginnings XX of centuries in their formation, interrelation, development and influence on real history of the country, on revolution (N.I. Ziber, G.V. Plehanov, A.A. Bogdanov and V.I. Lenin's doctrine, its schools).

В русской историософии с середины XIX в. получило развитие историко-экономическое направление, в котором монистическое воззрение на историю утверждалось достаточно твердо и последовательно на материалистической основе. Вклад Н.Г. Чернышевского (1828-1889) в развитие историко-философского материализма изучен досконально. В связи с этим в данном исследовании уместно ограничиться известной ленинской оценкой этого вклада: «Чернышевский – единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского

материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» [1].

Столь же высокой ленинской оценки удостоивался и другой выдающийся русский историк и экономист, Н.И. Зибер (1844-1888), научное наследие которого привлекало внимание также и Г.В. Плеханова (1856-1918). Н.И. Зибер был одним из первых русских ученых, кто в своих научных работах не только весьма предметно и глубоко проанализировал экономическую теорию К. Маркса, но и явился ее активным популяризатором в России. В 1876 – 1878 гг. Н.И. Зибер опубликовал в журналах «Знание» и «Слово» серию статей, объединённых общим названием «Экономическая теория Маркса», в которых он кратко изложил основное содержание первого тома «Капитала» [2]. В этих статьях он даже развил марксистский взгляд на капитал не просто как на экономическую категорию, но, прежде всего, как на исторически определённые общественные отношения. А в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В.И. Ленин напишет о том, каким нападкам подвергался Н.И. Зибер со стороны вульгарных экономистов за то, что давал правильное марксистское определение капитала [3].

Н.И. Зибер также глубоко изучил взгляды классиков английской политической экономии, предшественников экономической теории марксизма, чему была посвящена его магистерская диссертация «Теория ценности капитала Д. Риккардо». Ему принадлежит и первый перевод на русский язык сочинений Д. Риккардо. Результатом изучения взглядов Риккардо и Маркса был труд Н. Зибера «Давид Риккардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885) [4].

К. Маркс высоко ценил Н.И. Зибера как крупного экономиста, как первого исследователя, осветившего преемственную связь между «Капиталом» и классической политической экономией. В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» К. Маркс так отозвался о книге Н.И. Зибера: «Еще в 1871 году г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Риккардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита-Риккардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения» [5].

Отметим также, что Маркс и лично знал Зибера. Об их встречах в начале 1881 г. свидетельствует письмо Маркса к Н.Ф. Даниельсону от 19 февраля 1881 г., в котором он писал: «В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г-н Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее» [6]. Н. Зибер был одним из первых русских экономистов, кто вслед за К. Марксом считал, что последовательная смена общественных способов производства является универсальным социологическим законом, определяющим прогрессивное развитие истории. В работе «Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля» он опровергал попытки вульгарных экономистов доказать, что «бережливость» является основанием для накопления капитала [7]. Но в своих экономических исследованиях Н.И. Зибер не ограничился лишь критическим разбором взглядов вульгарных экономистов на «естественное» человеческой природе происхождение капитала путём накопления. Он, следуя за К. Марксом, проводил анализ тех специфических общественных отношений, при которых орудие производства, а не результат «сбережения» становятся капиталом. «Капитал, – пишет он, – имеет свою историю и свою теорию. Первая обыкновенно проходит (так у автора. – Р.Я.П.) вульгарными экономистами молчанием, вторая состоит у них из путаницы, ошибок и заблуждений» [8].

Если бы, замечал Н.И. Зибер, представители вульгарного экономизма сумели разложить капитал как общественное явление на составные части, то вульгарная политическая экономия из «...поденщины набитого кармана превратилась бы в науку общественно-человеческой жизни... Ни при азиатском, ни при античном, ни при феодальной способах производства, – писал Н.И. Зибер, – мы не находим такого существа, которое представляет нам капиталист, а следовательно, и условия производства не могли являться в ту пору капиталом» [9].

Далее он продолжает: «Источником капитала является разделение труда на отдельные занятия. Пока разделение труда ограничивалось патриархальной или феодальной семьей, рабочий не был отделен от своих средств существования... С течением времени искусство делать деньги – продавать и покупать – стало главной целью производства... Таким же образом рабочее орудие и продукты работы сделались исключительной собственностью имущего класса, а рабочий-производитель из действующего лица превратился в принадлежность процесса производства. Так возникли капитал и наемная работа, капиталист и пролетарий» [10].

Н.И. Зибер внес существенный вклад также в исследование общественно-экономических отношений в российской истории. Этому, в частности, были посвящены его работы: «Капитализм в России» [11], «Фабричный закон в России» [12] и ряд других статей. Но наш краткий анализ влияния Н.И. Зибера на развитие отечественной историко-экономической науки конца XIX – начала XX в. уместно будет завершить ссылкой на оценки, которые давались его творчеству в дореволюционной России. Так, например, видный русский экономист профессор А.Н. Миклашевский писал: «Зибер был самым талантливым родоначальником русской социал-демократии и истолкователем учений Риккардо, Маркса и Родбертуса... Покойный проф. А.И. Чупров говорил мне, что он научился понимать К. Маркса только благодаря Н.И. Зиберу» [13].

О Зибере как последовательном продолжателе экономической теории Маркса писал и Д.Н. Овсянко-Куликовский (1853-1920). «Как известно, – читаем мы у него, – Н.И. Зибер был последовательный, правоверный марксист и по праву должен быть признан родоначальником русских учеников Карла Маркса» [14]. Что касается эпитета «правоверный марксист», то, не полемизируя, отнесем его всецело к образности эпистолярного стиля, присущего этому видному публицисту и литературоведу. Между тем один из основателей группы «Освобождение труда» Л.Г. Дейч (1855-1941), находясь после Октябрьской революции в эмиграции, так отозвался о Н.И. Зибере: «Будучи в теории ярким марксистом, проф. Зибер, тем не менее, отрицал необходимость осуществить взгляды основателей научного социализма на деле» [15].

Перед нами цитаты двух разных ученых, имевших совершенно разные мировоззренческие ориентиры, но их оценки по поводу марксистских позиций Н.И. Зибера почти совпадали. Интересную интерпретацию научной позиции Н.И. Зибера в связи с ее практической реализацией мы находим и у видного революционного деятеля и публициста В.В. Воровского (1871-1923), считавшего, что: «Хотя Н.И. Зибер был... ревностным поборником марксизма, но все же в его понимании этого учения были серьезные пробелы. Эти пробелы вытекали из того обстоятельства, что при жизни Зибера в России еще отсутствовали те живые общественные силы, движения, которых создало на Западе разделявшееся Зибером учение. Само это учение носило тогда в России несколько абстрактный, доктринерский характер. Если оно и связывалось в уме нашего автора с определенными общественными элементами, то связывалось скорее статически, а не в движении. Благодаря этому и вся концепция марксизма пропитана у Зибера в сильной степени отвлеченным догматизмом» [16].

Итак, если согласиться с тем, что в то время, когда формировались философско-экономические взгляды Н.И. Зибера? в России еще не было общественных условий для

развития диалектико-материалистического взгляда на историю, то в иных общественно-политических условиях развивалось научное мировоззрение Г.В. Плеханова (1856-1918). Он явился первым в России наиболее последовательным и глубоким теоретиком революционной теории марксизма. Если академический исследователь экономических отношений Н.И. Зибер перевел на русский язык первый том «Капитала», то революционный народник Г.В. Плеханов в 1882 г. посчитал более актуальным перевести на русский язык «Манифест Коммунистической партии», положив начало активному распространению его идей в России. В предисловии к собранию сочинений Г.В. Плеханова Д.Б. Рязанов в 1922 г. написал, что «... В европейской марксистской литературе в период от 1882 до 1884 гг., когда русский марксизм сложился в своих главных очертаниях, Плеханов, среди учеников Маркса и Энгельса, почти не имел себе равного ни по разносторонности своих знаний, ни по глубине и силе теоретической мысли» [17].

Г.В. Плеханов на основе идей «Манифеста» разработал программу группы «Освобождение Труда», противопоставив сложившемуся мировоззрению русской революционной интеллигенции 1880-х годов диалектико-материалистическое учение Маркса. В связи с началом издания собрания сочинений Г.В. Плеханова в 1922 г. отмечается: «Он (Плеханов – Р.П.), правда, имел в русской литературе таких предшественников, как Н. Зибер..., облегчивших ему анализ русской экономической действительности с новой точки зрения» [18]. Данный тезис Д.Б. Рязанова – лучшее свидетельство тому, на каких научных традициях выстраивалось историко-экономическое направление в русской историософии XX в.

В марте 1903 года Г.В. Плеханов, делая обзор марксистской литературы в России начала XX века констатировал, что многие из симпатизирующих «экономической теории Маркса ученые ... нашего времени предпочитают субъективную экономическую теорию, имеющую то хорошее свойство, что явления экономической жизни общества рассматриваются ею вне всякой связи их с его производственными отношениями, в которых коренится источник эксплуатации пролетариата буржуазией...» [19].

Г.В. Плеханов был первым русским марксистом в социологии (как общем знании об обществе), и именно ему довелось решительно выступить против вульгарного материализма, представители которого всячески дистанцировались от идеологической направленности марксистской экономической теории. Он, как никто другой из последователей марксизма, понял и оценил важность диалектического единства его экономической теории и исторического учения. «Марксизм, – подчеркивал он, – не есть только известное экономическое учение (учение о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу); он не есть только известная историческая теория (исторический материализм); он не есть известное экономическое учение плюс известная историческая теория. У Маркса экономическое учение не поставлено рядом с исторической теорией: оно насквозь пропитано ею» [20]. Именно этого не могли понять не только непримиримые критики теории Маркса, но – тогда – и ее искренние почитатели.

Для любого представителя историко-экономического направления очень важным являлся вопрос о том, что выступает источником развития экономики как основы общественного строя. Большинство экономистов главным источником экономического развития считали производительные силы. Но не было единого мнения по поводу источника развития самих производительных сил. Не было единства по этому вопросу и среди теоретиков марксизма. Некоторые из них, в частности К. Каутский, П.Б. Струве, А.А. Богданов, М.Н. Покровский, искали источники развития производительных сил вне самого производства. Своя позиция по этому вопросу была и у Г.В. Плеханова, который важным фактором развития производительных сил считал географическую среду.

И здесь надо заметить, что за многие годы в советской исторической науке сложился определенный стереотип в отношении позиции Г.В. Плеханова по этому вопросу. Суть

этого стереотипа сводилась к односторонней оценке Г.В. Плеханова как ярко выраженного сторонника «географического детерминизма». Иногда дело доходило до отождествления его взглядов по этому вопросу с географическими идеями Л.И. Мечникова. Но это весьма упрощенный и в принципе не верный вывод.

Надо все же учитывать, что географический детерминизм в социологических взглядах Г.В. Плеханова был лишен натурализма, свойственного многим представителям вульгарного материализма. Об этом свидетельствует, в частности, и его отзыв на книгу Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» [21]. В этом отзыве, анализируя основные идеи Л.И. Мечникова, Г.В. Плеханов убедительно показал, что географический детерминизм может соотноситься с материалистическим пониманием истории, а может и уводить в сторону социологического идеализма.

Говоря о том, что «главнейшие положения философии истории Л.И. Мечникова совершенно материалистичны», Г.В. Плеханов тем не менее отмечает: «в частности он нередко уклоняется в сторону идеализма» [22], и от этого «учение Л.И. Мечникова страдает... некоторого рода *географическим схематизмом*» [23].

Критически подходя к оценке географического схематизма, присущего некоторым представителям естествознания, пытавшимся привнести свой вклад в историческое познание, Г.В. Плеханов писал: «Чтобы правильно оценивать влияние географической среды на историческую судьбу человечества, нужно проследить, как эта природная среда влияет на склад и свойства той *общественной среды*, которая ближайшим образом определяет характер и наклонности человека» [24].

Столь же убедительно Г.В. Плеханов показывает научные издержки идеалистического подхода к оценке роли географического фактора на историю. «Исследователи этого направления, – отмечает он, – забывали, что человек живет в обществе, влияние которого на его характер и привычки бесконечно сильнее непосредственного влияния природы» [25]. Главная ошибка сторонников этого подхода, по его мнению, «сводилась в этом случае к тому, что следов влияния этой среды они даже искали больше в *психологии* или даже *физиологии* различных племен, чем в их *социальном быте*» [26].

В «Очерках по истории материализма» (1896) [27] диалектико-материалистический подход Г.В. Плеханова в оценке роли географического фактора для исторического процесса еще более очевиден. В этой работе он подробно останавливался на анализе тех ошибок, которые допускали французские материалисты XVIII в. Ш. Монтескье, П. Гольбах, Ф. Вольтер, К. Кондорсе и другие при анализе влияния природы на развитие человеческой истории.

В этой связи он писал: «Взаимоотношение между общественным человеком и географической средой *чрезвычайно изменчиво*. Оно изменяется с каждым новым шагом, достигнутым развитием производительных сил человека. Вследствие этого влияние географической среды на общественного человека приводит к *различным результатам в различные фазисы развития этих сил*. Но в изменении взаимоотношений между человеком и местом его жительства нет ничего *случайного*: они в своей последовательности составляют *закономерный процесс*. Чтобы уяснить себе этот процесс, надо прежде всего вспомнить, что естественная среда составляет *важный фактор в историческом развитии человечества, не благодаря своему влиянию на человеческую природу, но благодаря своему влиянию на развитие производительных сил*» [28].

В своих работах Г.В. Плеханов вновь и вновь обращался к волнующему его вопросу о воздействии природного фактора на человеческую историю. В «Основных вопросах марксизма» (1908) [29] он излагает свою позицию еще более лаконично. «Итак, – заявляет Г.В. Плеханов, – свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений» [30].

Как следует из приведенных суждений и оценок, историософские взгляды Г.В. Плеханова были уже достаточно далеки от идей классического географического детерминизма, присущего французским материалистам XVIII в., но от этого ничего принципиально не меняется в его собственной позиции, поскольку Г.В. Плеханов, утверждая приоритет географического фактора на развитие производительных сил (а не самой всемирной истории), по существу пытался создать своеобразный гибрид исторического материализма и географического детерминизма. В его концепции решающим фактором исторического развития рассматривалась не географическая среда сама по себе, а взаимодействие между ней и обществом.

Надо сказать, что демографический фактор как определяющий в развитии производительных сил общества находил поддержку у другого отечественного экономиста и марксиста, А.А. Богданова. Необходимо, правда, сделать оговорку, что влияние этого фактора на экономику он рассматривал как изменяющуюся величину, зависящую от уровня технического прогресса. В книге «Краткий курс экономической науки» (1906), неоднократно переиздававшейся в советское время, он утверждал, что главным источником развития производительных сил первобытного общества является рост народонаселения, которое в конечном счете приводило к абсолютному перенаселению.

«... Абсолютное перенаселение, – писал он, – влечет за собой голод, болезни, усиленную смертность – целую массу страданий. Сила страданий понемногу побеждает тупую неподвижность обычая, и прогресс техники становится возможным. Голод заставляет преодолеть отвращение ко всему новому, и начинают развиваться зародыши новых способов борьбы за жизнь, как те, которые уже раньше были известны, но не находили общего применения, так и те, которые открываются вновь... Улучшение техники только временно облегчает те страдания, которые возрастают вследствие абсолютного перенаселения. Новые приемы общественного труда, в свою очередь, оказываются недостаточными, когда население увеличится еще более, и вновь сила голода заставляет людей сделать шаг по пути развития»[31]. Замечу, что приведенная цитата дает основание сделать заключение о том, что А.А. Богданов стоял на позиции интеграции исторического материализма с демографическим детерминизмом как источником развития производительных сил общества.

Впрочем, ситуация в исторической науке начала XX в. складывалась таким образом, что приверженность к экономическому детерминизму совсем не означала приверженности к теории исторического материализма. В «Материализме и эмпириокритицизме» В.И. Ленин показал? «... на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное» [32]. Эта сбивчивость и путаность свидетельствовала о том, что социологические концепции некоторых ученых, искренне считавших себя сторонниками марксистского учения, по сути своей являлись даже альтернативными по отношению к диалектико-материалистическому пониманию истории.

В этой связи уместно сослаться на социологическую теорию «эмпириомонизма», которую А.А. Богданов разрабатывал на основе стремления создать новую универсальную методологию для объяснения исторического процесса как в прошлом, так и в будущем. Общефилософским основанием для данной методологии А.А. Богданов считал экономическое учение К. Маркса, соединенное с «новейшим естественно-научным позитивизмом».

Именно потому, что А.А. Богданов еще со студенческой скамьи связал свою жизненную судьбу с марксизмом и потому, что он пользовался большим авторитетом в научном мире (достаточно сказать, что его яркий талант и пытливость ученого восхищали «буревестника революции» М. Горького), эмпириомонические изыскания А.А. Богданова были так негативно восприняты Г.В. Плехановым и В.И. Лениным. В частности, В.И. Ле-

нин в «Материализме и эмпириокритицизме» говорит о том, «как мертвый философский идеализм хватает живого марксиста Богданова» [33].

Плехановская критика А.А. Богданова поддерживалась В.И. Лениным, который вместе с тем подчеркивал ее недостаточность ввиду игнорирования связи современного «физического» идеализма с новейшей революцией в естествознании [34]. Это ленинское замечание представляется очень важным для осознания всей глубины (но и недостаточности!) научной полемики между двумя видными марксистами – Г.В. Плехановым и А.А. Богдановым.

Думается, что Г.В. Плеханов и А.А. Богданов оценивали историческую теорию К. Маркса с разных позиций. Эта разница не только в том, что один в своих взглядах был более ортодоксален, а другой – более радикален, нет. Здесь, используя меткое выражение П. Тейяра де Шардена, подчеркнем: «вся разница между тем, кто только читал, и тем, кто проделывал опыты» [35].

Начитанность Г.В. Плеханова поражала современников, но и склонность А.А. Богданова к экспериментированию была также безудержной. Ведь он и погиб как ученый-экспериментатор, проделывая опыты на самом себе. Не случайно «опыт» – ключевое понятие в концепции эмпириомонизма бывшего студента естественного отделения Московского университета А. Богданова, исключенного из него за революционную деятельность. Г.В. Плеханов как глубокий теоретик марксизма смог, по оценке Ленина, достаточно профессионально разобраться в значении для философии эмпириокритицизма понятия «опыт» как предмета исследования, но вовсе не как средства познания окружающего мира [36].

И.В. Гёте (по иронии судьбы, любимый поэт и Плеханова, и Богданова) как-то заметил, что между двумя противоположными мнениями лежит не истина, но проблема. Проблема, обнаруживаемая в полемике между Плехановым и Богдановым, – это вопрос о том, надо ли развивать дальше исторический материализм К. Маркса с учетом радикальных сдвигов, произошедших, в частности, в естествознании в конце XIX в.

Г.В. Плеханов смотрел на эту проблему глазами мыслителя, прочитавшего огромное количество книг по философии и досконально знающего историю развития политических идей и теорий. И для него социальная теория Маркса представляла собой «высшую в настоящее время ступень развития того *взгляда на мир*, основы которого были заложены еще в древней Греции... как наивный *материализм*» [37].

Поэтому Г.В. Плеханов и мысли не допускал о потребности «заново обосновать марксизм, соединив его, – опять-таки совершенно произвольно и чаще всего под влиянием философских настроений, господствующих в данное время между *идеологами буржуазии*, – с тем или другим философом: с Кантом, с Махом, с Авенариусом, с Оствальдом...» [38].

А.А. Богданов смотрел на ту же самую проблему глазами ученого, который серьезно занимался естественными науками и историей развития трудовой деятельности от первобытности до современной эпохи. Когда в 1897 г. вышла его книга «Краткий курс экономической науки», В.И. Ленин в своей рецензии посчитал необходимым заявить о «выдающихся достоинствах этого сочинения», назвав его «замечательным явлением в нашей экономической литературе» [39].

Для А.А. Богданова экономическая теория Маркса представлялась не только вершиной научной мысли, но и началом новой методологии социального познания, постоянно вбирающей в себя новейшие достижения науки. Именно поэтому он обратил особое внимание на два заметных явления для философии естествознания конца XIX – начала XX в. – на историко-логические труды австрийского физика Э. Маха и «энергетический императив», предложенный немецким ученым В. Оствальдом как принцип развития физической и социальной материи.

В работах Э. Маха А.А. Богданова привлекла «борьба против всевозможных фетишей научного и философского познания... окаменелых понятий, успокаивающих и задерживающих пытливість человеческого ума» [40], в натурфилософском «монизме» В. Оствальда – направленность на естественнонаучное объяснение всех процессов природы и общества.

Методологию «эмпириомонизма» А.А. Богданов разрабатывал не в качестве оппозиции марксизму, – он искренне верил, хотя это не умаляет его ошибки, что тем самым он создает некую *научную картину мира*, претендующую на универсальность. Не забывал он при этом и классовый принцип, утверждая, что создает философский «эмпириомонизм» в интересах рабочего класса, освобождению которого от рутинного, эксплуатируемого труда он себя посвятил. Пролетариат, по мнению А.А. Богданова, несет в себе для будущего человечества новое мироотношение – активное, подлинно социально-трудовое, т. е. монистическое [41].

Благодаря этому «монистическому мироотношению», значительно эффективнее, совершенно осознанно, по мысли Богданова, произойдет устранение элементов принуждения в экономической сфере, осуществится замена конкурентной борьбы товарищеским коллективизмом. Благодаря этому станет возможным подлинный социализм, как «переход к неограниченной свободе труда» [42], осуществится в интересах всего общества подчинение стихийных сил природы средствами машинной техники.

А.А. Богданов утверждал, что «эмпириомонизм» как социологический метод возникает из «активной гармонизации опыта», который заменяет «первичный хаос элементов... упорядоченным миром отношений» [43]. По его замыслу, философия эмпириомонизма должна была стать концепцией, определявшей путь преодоления известного разделения между умственным и физическим, промышленным и сельскохозяйственным, организаторским и исполнительским трудом.

Однако благородная по своим замыслам попытка А. Богданова создать на основе соединения марксизма с махизмом универсальную социологическую теорию оказалась крайне неудачной. И неудача эта была заранее предопределена, прежде всего, потому, что к пониманию опыта как основы познания мира он подходил с субъективно-идеалистических позиций, что в принципе противоречило материалистическому пониманию истории. А с другой стороны, – отождествление общественного бытия и общественного сознания с неизбежностью приводило его к идеализму.

Иного результата, очевидно, и быть не могло, поскольку под влиянием Маха и Авенариуса А.А. Богданов характеризовал социологические законы «исключительно как человеческие методы ориентировки в потоке опыта, изменяющиеся сообразно с практическими потребностями» [44]. Он отказался от фундаментальных философских понятий «материя» и «дух», отнеся их к «домонистической» ступени познания и заменив их под влиянием идей В. Оствальда понятием «энергии», которое считал гносеологически более основательным для того, чтобы «представить все явления», происходящие в природе и в обществе «как соразмерные» [45].

Хорошо известны и глубокая плехановская, и особенно основательная ленинская оценка теории познания эмпириомонизма. В последней показано, показано ярко и убедительно, что, оторвав исторический материализм Маркса – Энгельса (трансформированный в «исторический монизм») от материалистической диалектики, Богданов вместо углубления марксизма получил «наверху... исторический материализм, правда вульгарный и сильно подпорченный идеализмом, внизу – идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки» [46].

Да, если бы в ходе открытой полемики между основными теоретиками марксизма, которая велась постоянно, непрерывно вплоть до революционной практики октября

1917г., были разрешены вопросы научной состоятельности и целостности материалистического учения Маркса, то к этой проблеме быть может не пришлось бы обращаться в советские годы, да и в наше время, в годы постсоветские.

В действительности же все обстояло значительно сложнее, и прежде всего потому, что научные идеи А.А. Богданова вплоть до середины 1930-х годов оказывали самое серьезное влияние на отечественную социологическую мысль. Прекрасно зная теорию общественного производства, но не достигнув той диалектической глубины, которую придавали ей Маркс и Энгельс, А.А. Богданов стремился объяснять всемирную историю через трудовую деятельность, придав последней не только политико-экономический, но и социокультурный статус. И это лишнее свидетельство тому, что исторический материализм, как социально-философское учение, изначально нес в себе огромный потенциал для научных дискуссий и своего развития, развития философии.

Итак, анализ историко-экономического направления дает представление о том, что в начале XX в. оно являло собой широкое разнообразие идей и концепций, которые на основе различного понимания роли экономического фактора давали научную картину исторического процесса. Во всяком случае, так полагали все теоретики рассмотренных концепций, все авторы влиятельных идей. В том числе и Н.И. Зибер, и Г.В. Плеханов, и А.А. Богданов, и другие. Хотя в реальной жизни, в революции объективировалась и следовательно побеждала, победителем вышла одна концепция – марксистская, марксистско-ленинская.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 384.
2. Зибер Н.И. Избранные экономические произведения. В 2-х т. М., 1959. Т. 1. С. 7.
3. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 222.
4. Зибер Н.И. Давид Риккардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях // Н.И. Зибер. Избр. экон. произв. в 2-х т. М., 1959. Т. 1. С. 31-551.
5. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 19.
6. Маркс К. Николаю Францевичу Даниельсону, 19 февр. 1881 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 35. С. 130.
7. Зибер Н.И. Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля // Н. И. Зибер. Собр. соч. в 2-х т. СПб., 1900.
8. Зибер Н.И. Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля // Н. И. Зибер. Собр. соч. в 2-х т. СПб., 1900. С. 408.
9. Зибер Н.И. Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля // Н. И. Зибер. Собр. соч. в 2-х т. СПб., 1900. С. 407.
10. Зибер Н.И. Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля // Н. И. Зибер. Собр. соч. в 2-х т. СПб., 1900. С. 409.
11. Зибер Н.И. Капитализм в России // Вольное слово. 1882. № 41.
12. Зибер Н.И. Фабричный закон в России // Вольное слово. 1882. № 42.
13. Миклашевский А.Н. История политической экономии: XIX в. Юрьев, 1909. С. 253.
14. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания., Пг., 1923. С. 144.
15. Дейч Л.Г. За полвека. Берлин. 1923. С. 101.
16. Воровский В.В. Н.И. Зибер // В.В. Воровский. Соч. М., 1932. Т. 1. С. 174.
17. Рязанов Д.Б. Предисловие редактора // Г.В. Плеханов. Сочинения. М.-Л., 1922. Т. 1. С. 5.
18. Рязанов Д.Б. Предисловие редактора // Г.В. Плеханов. Сочинения. М.-Л., 1922. Т. 1. С. 5.
19. Плеханов Г.В. Карл Маркс // Г. В. Плеханов. Соч. Т. XII. М.-Л. 1925. С. 332-333.

20. Плеханов Г.В. Карл Маркс //Г. В. Плеханов. Соч. Т. XII. М.-Л. 1925. С. 332-333.
21. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития)// 1-е изд. На франц. яз. Париж, 1889; 1-е русск. изд.: СПб., 1898; 2-е изд. М., 1924.
22. Плеханов Г.В. О книге Л.И. Мечникова // Г.В. Плеханов. Соч. Т. VII. М.-Л., 1925. С. 25.
23. Плеханов Г.В. О книге Л.И. Мечникова // Г.В. Плеханов. Соч. Т. VII. М.-Л., 1925. С. 26.
24. Плеханов Г.В. О книге Л.И. Мечникова // Г.В. Плеханов. Соч. Т. VII. М.-Л., 1925. С. 19.
25. Плеханов Г.В. О книге Л.И. Мечникова // Г.В. Плеханов. Соч. Т. VII. М.-Л., 1925. С. 19.
26. Плеханов Г.В. О книге Л.И. Мечникова // Г.В. Плеханов. Соч. Т. VII. М.-Л., 1925. С. 18.
27. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма //Г. В. Плеханов. Соч. Т. VIII С. 27-192.
28. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма //Г. В. Плеханов. Соч. Т. VIII С. 154.
29. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Г. В. Плеханов. Соч. Т. XVIII. М.-Л. 1925. С. 182-252.
30. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Г. В. Плеханов. Соч. Т. XVIII. М.-Л. 1925.С. 205.
31. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М., 1906. С. 33.
32. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм //В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С.11.
33. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм //В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18.С. 346.
34. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм //В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 320-323.
35. Тайяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 43.
36. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 155.
37. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Г.В. Плеханов. Соч. Т. XVIII. С. 182.
38. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Г.В. Плеханов. Соч. Т. XVIII. С. 183.
39. Ленин В.И. Рецензия на книгу А. Богданова // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 35.
40. Цит. по кн.: А.А. Богданов. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 8.
41. Богданов А.А. Эмпириомонизм. М., 1906. Кн. III. С. X.
42. Богданов А. и др. Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. С. 51.
43. Богданов А.А. Эмпириомонизм.. М., 1904. Кн. 1. С. 57.
44. Богданов А.А. Очерки философии коллективизма. С. 45-46.
45. Богданов А.А. Эмпириомонизм. М., 1905. Кн. II. С. 43.
46. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм //В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 351.